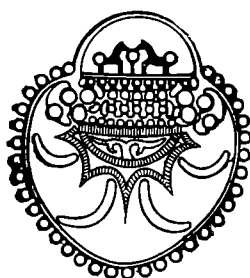

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1964

В. И. КОЗЕНКОВА

ГАЙРАТ-ТЕПЕ

(К истории поселений Ферганы первой половины I тысячелетия)

В 1957—1961 гг. Андижанским областным музеем были проведены раскопки древнего холма¹ на землях бывшего колхоза Гайрат Курган-Тепинского района, в древнем Курган-Тепинском оазисе, находящемся в 50 км к северо-востоку от г. Андижана, на равнине, имеющей значительный уклон к р. Кара-Дарья, протекающей в 6 км к северу от него.

Центром древнего Курган-Тепинского оазиса было прямоугольное городище с мощными стенами и цитаделью. Расположенные вокруг него 19 отдельных тепе являются остатками жилых построек.

Гайрат-тепе входит в цепь из шести холмов, отстоящих на 1,5 км к северо-востоку от городища. По внешним очертаниям он имел форму усеченной пирамиды с крутыми склонами, с площадью основания примерно 35×40 м, вершиной 10×12 м и высотой 8 м. Холм ориентирован углами по странам света. За четыре года² в нем почти полностью раскопаны развалины массивного глинобитного здания (рис. 1) с очень сложной планировкой (рис. 2) и еще более сложной стратиграфией³ (рис. 3). В нем определились два больших строительных периода. К первому, более раннему, относятся развалины здания с сохранившейся планировкой помещений; от второго периода сохранились остатки построек (в основном площадки пола), без четкой планировки.

Для каждого строительного периода характерны несколько площадок пола с накопившимся на них слоем материальных остатков, обгорелой земли и пепла.

І СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Планировка и размеры здания

От здания, возведенного на высокой (5,8 м) глинобитной платформе, с косыми склонами, сохранилась нижняя, цокольная часть. В плане оно близко к пятиугольнику с четырьмя круглыми и одной подковообразной башнями по углам (рис. 2). Периметр внешних стен здания (без башен) 40 м. Ширина внешних стен на высоте 2 м (от нулевого репера) равна в

¹ Приношу искреннюю благодарность за помощь и поддержку в работе директору музея М. А. Могильниковой, сотрудникам музея А. И. Круглову, Р. А. Рахматуллиной, а также Н. Г. Горбуновой, Е. Е. Неразик, Т. Г. Оболдуевой, С. С. Сорокину.

² Вся раскопанная площадь составила около 1500 м².

³ Контрольные замеры велись от нулевого репера, поставленного на вершине холма.

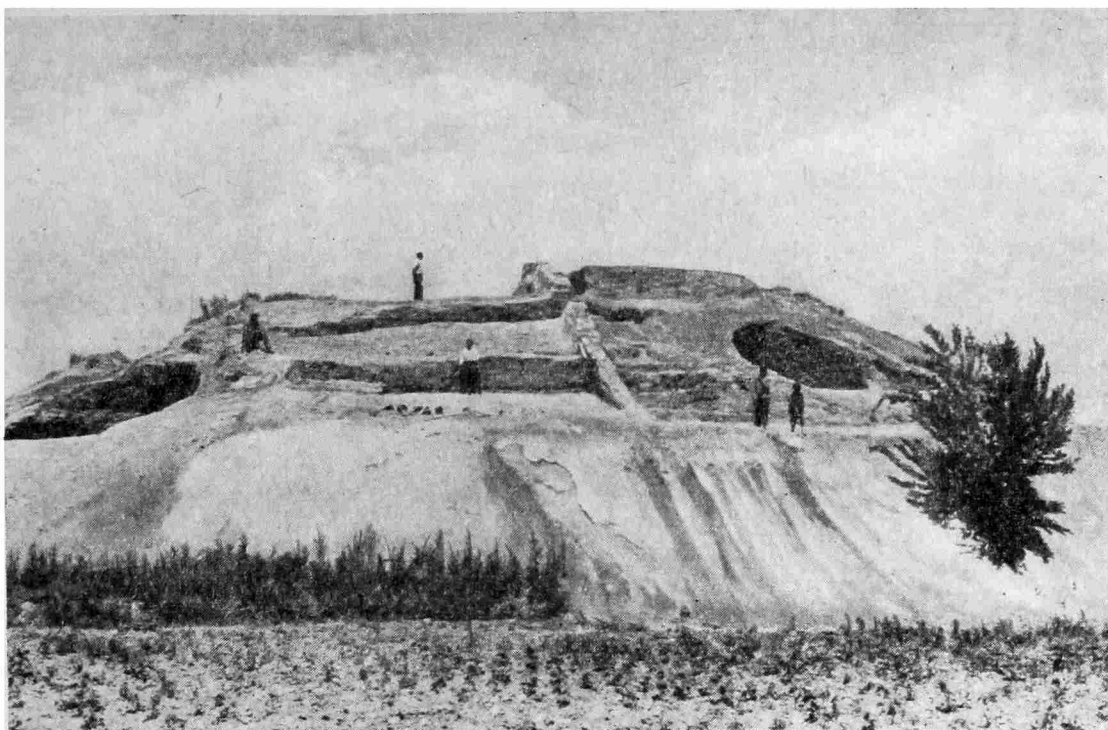

Рис. 1. Гайрат-Тене. Юго-восточная сторона здания

среднем 2,8—3,3 м. С внешней стороны стен на платформе были площадки (1—2 м) для прохода. С северо-западной стороны здание было укреплено глинобитным контрфорсом. Стены возвышаются над площадками всего на 0,6—1,5 м. Круглые башни, близкие по размерам, отличаются заметной индивидуальностью форм. Диаметр их в среднем равен 8,5 м; внутренний диаметр — 4,5 м. Исключение представляет подковообразная башня № 4, внутри имеющая вид трапеции со сторонами-стенами, равными 2,6; 3,55; 3,3; 3,6 м.

Внутри линии внешних стен были построены менее фундаментальные стены центральных помещений (шириной 1—1,25 м). Между внешними и внутренними стенами оставались небольшие коридоры в виде отсеков шириной от 1,2 до 2 м, не сообщавшиеся друг с другом. Длина их различна — соответственно 11,7; 8; 10; 35; 9,5 м (рис. 2).

Внутри центральной линии стен частично вскрыты два смежных помещения, условно обозначенных нами сектором «Е» и сектором «Д». С юго-западной стороны на площадку за внешней стеной вела узкая дорожка пандуса для подъема в здание. Кроме нее никаких следов входа не сохранилось. В северной стороне имелось специальное помещение с глубокой выгребной ямой (бадраб) (рис. 2).

Раскопанные помещения как бы впущены в монолит платформы, в результате чего внутренние фасады их стенок имеют значительную высоту. В коридорах она колеблется от 3,5 до 4,5 м, а в башнях достигает в среднем 5—6,5 м.

Абсолютная высота развалин от подошвы платформы до самой высокой точки стен равна 8,45 м. Размер здания по оси *АВ*—42 м, по оси *ВГ*—38 м (рис. 2).

Конструктивные особенности здания

Основным строительным материалом при сооружении здания служила специально приготовленная глина с добавлением мелкорубленной соломы. Платформа сооружена из бесформенных глинобитных пластов темно-коричневой глины толщиной 10—12 см. Платформа углублена в землю на 1,5 м.

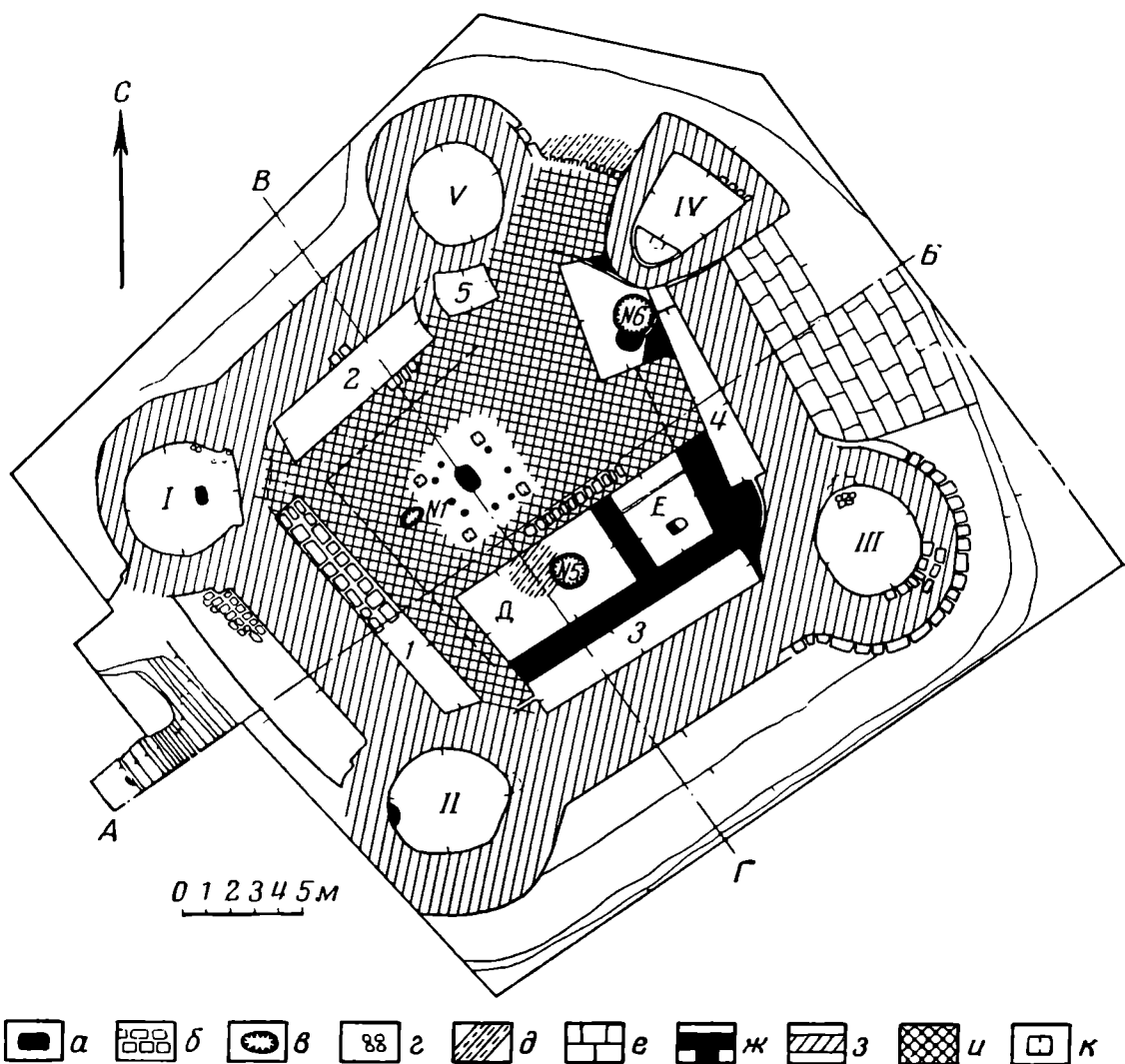

Рис.2. Общий план здания

а — очаг, *б* — регулярная сырцовая кладка, *в* — яма, *г* — камни, *д* — органические остатки, *е* — глинобитный контрфорс, *ж* — кирпичная стена, *з* — пахсовая стена, *и* — поверхность второго строительного периода, *к* — ямки от опорных столбов. I—V — башни; I—4 — коридоры; 5 — батраб; Д, Е — центральные помещения

На платформе были возведены сначала внешние стены; башни и стены выкладывались в перевязку как единая монолитная конструкция (рис. 2). Стены внутренних помещений углами упирались в башни, в результате чего коридоры и получили вид отсеков, не сообщавшихся между собой. Внешние стены с башнями имели сложную конструкцию. Сторона, образующая внутреннюю плоскость стены, была сложена из сырцового прямоугольного кирпича размерами: $42 \times 32 \times 12$; $44 \times 25 \times 7$; $48 \times 24 \times 12$; $50 \times 25 \times 10$ см. Внешнюю облицовку стены составляли несколько рядов глинобитных блоков шириной 35—45, высотой 47—65, толщиной 30—35 см. Между рядами имела прокладка из глины толщиной 12—15 см. Все пространство между кирпичной и блоковой стенкой было забутовано пластами глины, комьями глины овальной формы (гуваляками), обломками и целыми кирпичами, уложенными без определенного порядка.

Внутренние стены Гайрат-Тепе сооружены только из кирпича цепной кладкой. Между кирпичами был проложен слой глиняного раствора толщиной 5—10 см. В отдельных местах здания полы были выложены кирпичом. Так, в коридоре № 1 пол был выложен сырцовым кирпичом следующих размеров: $48 \times 26 \times 9$, $40 \times 25 \times 6$, $51 \times 26 \times 8$ см.

По находкам кусков алебаstra (в башне II) и обломков глиняных деталей (в коридоре № 1) можно предположить, что здание имело какие-то

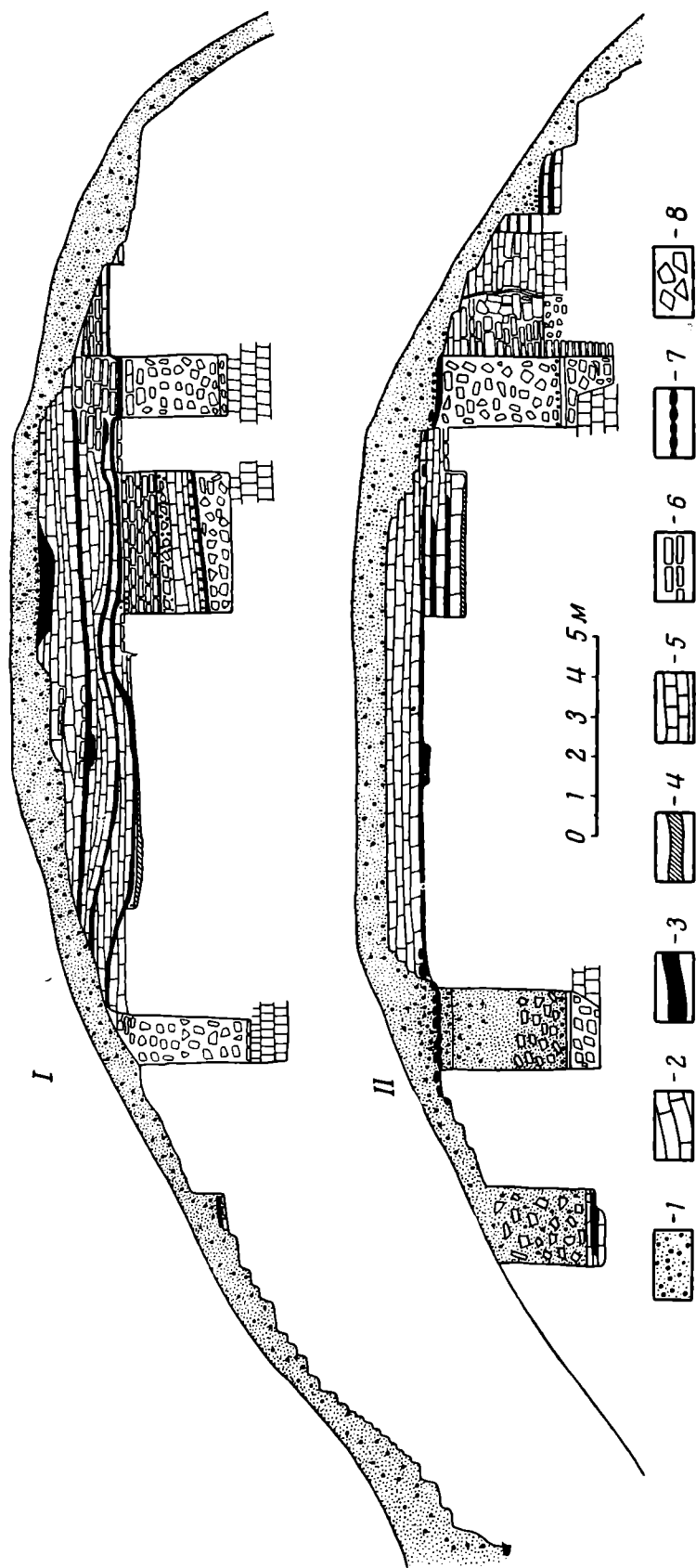

Рис. 3. I — разрез по линии AB; II — разрез по линии ВГ

I — мягкий лёсс с обломками керамики, 2 — глинобитные сырцовые пласти, 3 — зольный слой, 4 — органические остатки, 5 — нерегулярная кладка платформ, 6 — кирпичная кладка, 7 — вымостка из гальки, 8 — завал из сырца

архитектурные украшения. Стены помещений сохранили глиняную обмазку толщиной 1,5—2 см (башня IV).

Нам не удалось выяснить, каким образом попадали жители Гайрат-Тепе в башни и коридоры; возможно, с помощью деревянных лестниц, но никаких фактических данных у нас нет.

Культурный слой I строительного периода

Первая площадка пола выявлена в коридорах, башнях и в помещении «Е». В коридорах она находилась на разных глубинах от 4,5 до 6 м, что, вероятно, можно объяснить отсутствием точности расчета. В тонком (10—12 см) лёссовом слое на этом полу найдены немногочисленные обломки посуды. Башни были более обжитыми. На полу башни (глубина 6,8 м), почти в центре, расчищен овальный очаг (65×35 см) глубиной 6 см, заполненный прокаленной землей и пеплом. В очаге найден кусок железного шлака. На полу башни обнаружено несколько обломков красноангобированных сосудов, сделанных на кругу.

В башне II на полу (глубина 6,7 м) остались следы пожара, возможно от обгоревших конструкций. В слое земли, сильно прокаленной и перемешаной с сажей, найдены обломки станковых сосудов. Следы пожарища в виде сажки и пережженной докрасна земли прослежены и на полу башни III (глубина 6,8 м). В слое над полом найдены обломки сосудов, сделанных на кругу. В башне IV на полу (глубина 6,7 м), в слое пепла толщиной 10—15 см найдены обломки краснолощенных мисок и крышка от сосуда. На полу (глубина 6 м) башни V был тонкий слой лёсса. В помещении «Е» на плотной поверхности первого пола (глубина от нулевого репера 6,7 м), в тонком слое органических остатков и золы найдено много обломков сосудов, обломков зернотерки и бараний острогал с отверстием (рис. 4, 9).

Второй пол в здании обнаружен всюду, кроме коридоров и башни V. Пол был обмазан поверх слоя пожарища и засыпки из обломков сырца. В башнях I—III, V толщина этой засыпки не превышала 30—50 см, а в башне IV и помещении «Е» она достигала 1,5 м. Стены помещения возвышаются над уровнем пола на 20—25 см. В слое над полом найдено пряслице, зернотерка и обломки красноангобированных сосудов. В смежном помещении «Д» (не расчищенном донизу) на поверхности пола находились зольные пятна. В центре помещения была вырыта круглая хозяйственная яма (№ 5) с обломками хума. Около ямы залегал слой зеленоватых органических остатков с включением костей животных. В слое над полом в помещении «Д» среди обломков сосудов найдена целая красноангобированная миска. Глубина второго пола в центральных помещениях 1,7—1,9 м от нулевого репера.

В коридорах вторая прослойка пола отсутствует. Возможно, что в это время они мало использовались обитателями Гайрат-Тепе. Зато в башнях на втором полу видны следы их сугубо хозяйственного использования. В башне I этот пол отмечен на глубине 6,6 м от нулевого репера. В мягком золистом слое над полом в северной стороне лежали камни от очага, обломки расписного баночного сосуда, бронзовый четырехгранный в сечении гвоздь(?), половина биконического краснолощенного пряслица и обломки мисок. В башне II поверхность второго пола отмечена на глубине 6,5 м от нулевого репера. В восточной стенке башни на этом уровне имелась очажная ниша с остатками золы и обломками жаровни внутри. Размеры ниши: высота 1,3; ширина 1,2; глубина 0,7—0,8 м. В завале очага ниши найдены два туалетных сосуда (рис. 4, 16, 18).

На полу лежал плотный слой белого пепла, над ним мягкий золистый слой с большим количеством обломков сосудов, а сверху последний был завален слоем толщиной 0,8 м хорошо утрамбованных обломков кирпичей. В башне III ко второму полу относится поверхность также с белым пеплом (на глубине 6,6 м). В северной стенке обнаружена ниша с об-

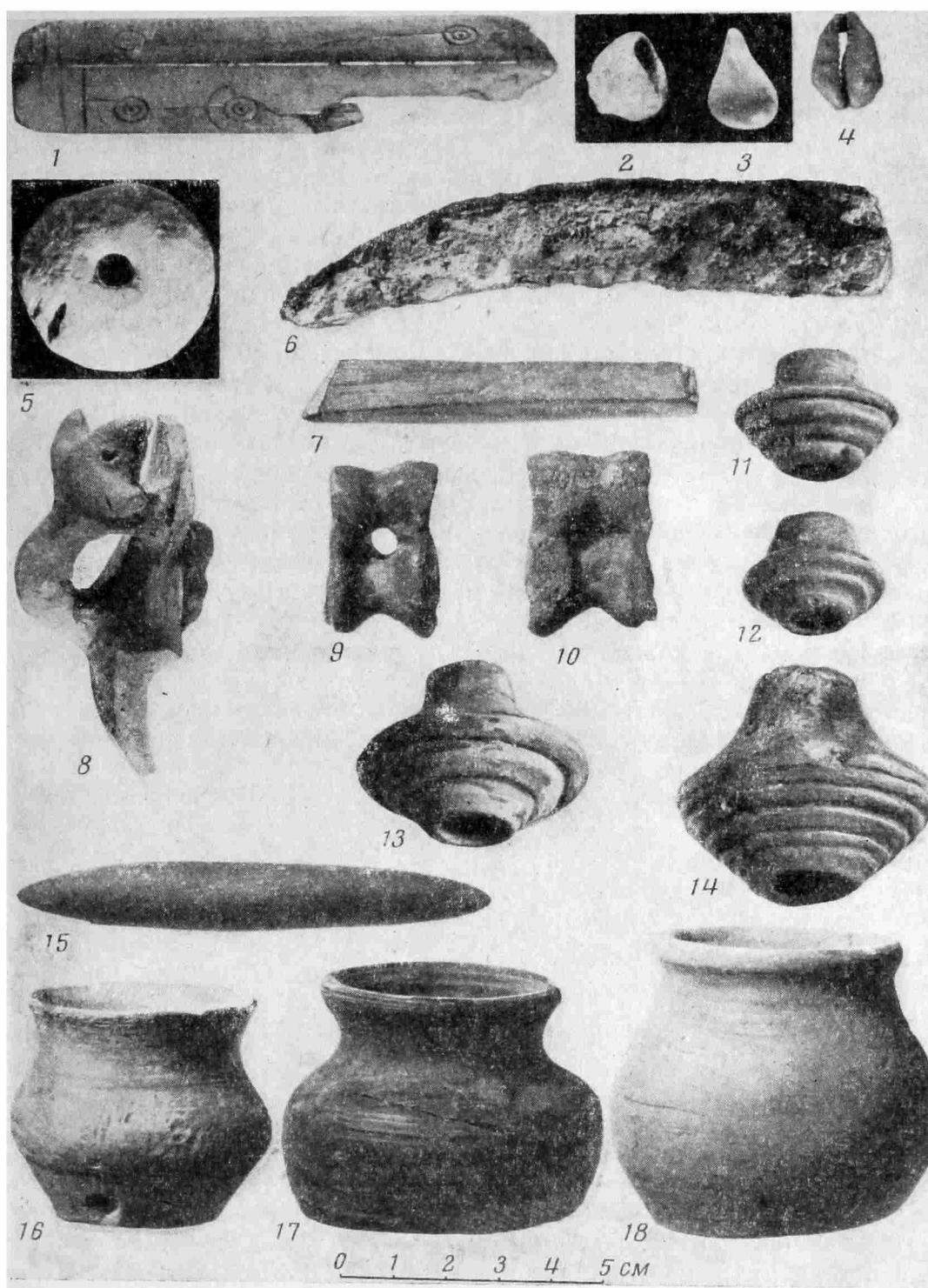

Рис. 4. Находки из слоя Гайрат-Теше

1 — костяная рукоятка, 2 — бусина из голубой пасты, 3 — бусина из горного хрусталя, 4 — пронизка из раковины Сауги, 5 — прясло из известняка, 6 — железный нож, 7 — каменный оселок, 8 — обломок зооморфной ручки сосуда, 9, 10 — астрагалы, 11—14 — глиняные прясла, 15 — сурьматаш, 16—18 — туалетные сосуды

мазкой на стенках. Размеры ниши: высота 1,25; ширина 1,1; глубина 1,01 м. Внутри была зола, а перед нишей был сложен овальный очаг из обломков сырцового кирпича. В слое на полу найден сурьматаш (каменная палочка) для подкраски бровей (рис. 4, 15) и красноангобированный сосуд (рис. 5, 9), такой же, как и под полом коридора № 3.

В башне IV второй пол намазан поверх полутораметровой засыпки из обломков сырца, на глубине 4,95 м. Площадка пола покрыта тонким (10—15 см) слоем мягкой земли, где было довольно много керамики и остатков разложившегося железного предмета.

Слой над полом в башнях III и IV состоял из свалки мусора (костей животных, золы, камней, массы битой посуды). Толщина этого слоя 1,5—2 м. Возможно, что верхняя часть этого зольника относилась уже ко второму строительному периоду. В башнях V, как и в коридорах, второй пол не прослеживался; возможно, к этому времени относится небольшой зольник у южной стенки башни с обломками сосудов. Уровни полов в башнях, коридорах и особенно в помещении «Е» не соответствуют друг другу, но по отдельным деталям конструкций, выявленных в процессе раскопок, а также по характеру находок можно определенно говорить о двух указанных жилых горизонтах в пределах одного строительного периода.

Первый строительный период от второго отделяют мощные глинобитные пласты (кроме башни IV), наложенные поверх разровненных развалин здания первого этапа.

Мастера, строившие Гайрат-Тепе, видимо, недостаточно владели методами точного расчета в строительстве, в результате чего здание получилось с большим нарушением пропорций и без строгой планировки как самого объекта в целом, так и отдельных помещений. Но все же им нельзя отказать в умении остроумно использовать имевшиеся в наличии строительные материалы. Для Ферганы описываемого периода это единственный археологический объект с почти полностью выявленной планировкой. По нему мы можем судить о том, что древние мастера были знакомы с приемами строительства, общими для всей Средней Азии. Они успешно применяли сочетание кирпичной и блоковой кладки, забутовки пластами глины. Древние мастера оценили фортификационные качества круглых башен и контрфорсов. Планировка, подобная Гайрат-Тепе, не известна в древней архитектуре Средней Азии, но по отдельным деталям конструкции Гайрат-Тепе можно сравнивать с некоторыми памятниками Ферганы, Туркмении и особенно Хорезма, где уже собран огромный материал по древнему строительству. Некоторые строительные приемы, применение пахсы и кирпича, отдельные детали планировки и конструкции (платформы, башни) возникли на этой территории очень рано⁴ и сами по себе еще не могут служить основой для датировки. Но определенное сочетание приемов строительства и планировки, архитектурный стиль здания всегда характерны для какого-то одного сравнительно короткого периода. По этим признакам Гайрат-Тепе сближается с сооружениями, возведенными в период от рубежа нашей эры до раннего средневековья.

Внешняя стена Гайрат-Тепе имеет некоторое сходство со стенами зданий Хорезма в кушано-афригидское время. Так, в слое III—IV вв. городища Куня-Уаз стена одного из помещений имела конструкцию, близкую гайрат-тепинской⁵. Забутовка пластами глины и сооружение очажных ниш в помещениях, отмеченные при раскопках Гайрат-Тепе, имеют аналогии опять же в памятниках Хорезма II—III вв. (крепость Гяур-Кала)⁶.

Пахсовая кладка из небольших и тонких блоков (высотой 45—60 см), примененная в стене Гайрат-Тепе, в других районах Средней Азии изве-

⁴ Ю. А. Заднепровский. Земледельческие поселения Ферганы. Материалы II Совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 150—151; Т. Г. Оболдуева. Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан. КСИА, АН СССР, 91, 1962, стр. 43—45; С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958, стр. 143—145; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. МХЭ, IV, М., 1961, стр. 24—40.

⁵ Е. Е. Неразник. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. Тр. ХЭ, II, стр. 378.

⁶ Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала. Там же, стр. 349, 359.

стна только в памятниках раннего средневековья⁷, что не позволяет очень удревнять время сооружения Гайрат-Тепе.

Круглые угловые башни в Гайрат-Тепе мало похожи на самые ранние из известных полукруглых башен (Кюзели-Гыр VI—V вв. до н. э.; Чирик-рабат IV—II вв. до н. э.)⁸; не похожи они и на полукруглые башни на углах зданий (Варахша)⁹ и у входа (Кой-Крылган-кала)¹⁰, строившиеся во II в. до н. э.— I—II вв. н. э. У них больше общего с вытянуто-эллиптическими башнями, известными в древнем строительстве Туркмении (Кишман-Тепе, II—III вв.)¹¹, но ближе всего к ним по форме башни позднекушанских крепостей Средней Азии (Аяз-Кала № 1; Базар-Кала, III—IV вв.)¹², Ирана (Истахр, III в.)¹³ и Афганистана (крепость внутри города Беграм III, III—IV вв.)¹⁴. В настоящее время не вызывает возражений существующее в литературе мнение, что только к V в. круглые башни окончательно вытеснили прямоугольные¹⁵. Гайрат-Тепе представляет собой редкий пример, где обе формы башен — круглая и прямоугольная (вернее, подковообразная с вынесенной вперед прямоугольной частью) — сосуществуют вместе.

Можно полагать, что Гайрат-Тепе ближе всего к серии памятников архитектуры первой половины I тысячелетия и что по всем особенностям планировки и конструкций он был возведен не ранее II—III и не позднее IV—V вв.

II СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Стратиграфия и культурный слой

От второго строительного периода, возникшего на развалинах здания, не сохранилось следов планировки помещений. Он представлен четырьмя глинобитными прослойками пола. Отсутствие стен объясняется, видимо, не только долголетием и интенсивностью жизни на одном месте во второй период, не только частотой пожаров, следы которых отмечены между полами, но и тем, что, видимо, сами постройки уже не носили такого фундаментального характера, как раннее здание.

Каждая жилая поверхность отделена друг от друга не только слоем пожара, но и глинобитными слоями, уложенными поверх сгоревших остатков. Такие напластования создали довольно четкую стратиграфию культурного слоя второго строительного периода.

Первый пол — это поверхность, непосредственно возникшая на выровненных развалинах глинобитного здания; глубина его 1,85 м от нулевого репера на вершине холма. В этот период пластами глины были забутованы коридор № 4, башни III и V и выгребная яма.

⁷ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Тр. ХЭ, I, М., 1952, стр. 93.

⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953. Тр. ХЭ, II, стр. 152, рис. 58; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Ук. соч., стр. 24—26, рис. 16.

⁹ С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. В сб.: «История материальной культуры Узбекистана», I, Ташкент, 1959, стр. 127—137.

¹⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. МХЭ, I, М., 1959, стр. 18; МХЭ, IV, стр. 348, 349, 366.

¹¹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 54—55.

¹² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1949, стр. 103, 112.

¹³ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. New York, 1941.

¹⁴ R. Ghirshman. Begram recherches, archeologiques et historiques sur les Kouchans. MDAFA, XII, Caire, 1946, стр. 38, рис. 18, 19; стр. 42—43.

¹⁵ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 23; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 16.

Жилая площадка ровная, слегка обожженная. Из хозяйственных сооружений сюда относится яма № 6, круглая в плане, глубиной 0,7—0,8 м.

В слое над полом — значительное количество керамики, костей животных, обломков обгоревших сырцовых кирпичей.

Второй пол обнаружен на центральной площадке и в коридоре № 2, где он был намазан поверх завала. В слое над полом находились зольные очаги, обломки керамики, а в коридоре № 2 лежал слой зеленоватых органических остатков с большим количеством костей животных.

Третий пол зафиксирован на центральной площадке, в коридоре № 2, в башнях I и II. Глубина его 1,25—1,5 м от нулевого репера.

На центральной площадке прослойка третьего пола не имела ярко выраженных хозяйственных напластований. В западной стороне площадки очаги располагались следующим образом: в центре помещался большой прямоугольный очаг, углубленный на 5—6 см в землю (размером $1 \times 0,7$ м), заполненный плотным слоем белого пепла. Земля на дне его спеклась. Вокруг большого очага размещались восемь небольших, круглых в плане, очажков, похожих на плошечки диаметром 20—25 см, глубиной 3—4 см, с оплавившимися стенками. В одной из «плошек» в слое золы лежала обгорелая бусина. Углубленный в землю очажок-жертвенник, аналогичный гайрат-тепинским, был обнаружен при раскопках буддийского храма конца VII — начала VIII в. на городище Ак-Бешим¹⁶. При зачистке поверхности пола вокруг очагов выявлены четыре симметрично расположенные квадратные ямки ($0,5 \times 0,5$ м; глубина 0,2 м) от столбов перекрытия с остатками перегнившего дерева и камнями-подпятниками (рис. 2). К юго-востоку от очагов сохранился ряд кирпичей тонкой сырцовой стены здания. Слои пепла в очагах башни I и особенно за внешними стенами старого здания на проходных площадках, относящиеся к первому периоду, были аккуратно замазаны слоем глины. Такой же обычай сохранения пепла из священного очага отмечен при раскопках храма огня на городище Джанбас-Кала. Зола из культового очага не выбрасывалась из помещения, а по мере накопления утрамбовывалась и обмазывалась сверху глиной¹⁷. Думается, что обычай сохранения пепла на Гайрат-Тепе также связан с культовым характером очагов, открытых на третьем полу остатков помещения второго этажа.

В коридоре № 2 пол имел галечную вымостку, покрытую сверху большим зольником, насыщенным керамикой. Там найдены обломки сосудов с гофрированными стенками и процарапанным орнаментом. Галечная вымостка прослеживалась и на центральной площадке, но сохранилась хуже, чем в коридоре. В слое над вымосткой, рядом с коридором № 2, был расчищен большой очаг, сложенный из камней и обломков сырца, с черепками от лепной жаровни внутри.

На примере галечной вымостки третьего пола прослеживается древняя традиция в строительстве Ферганы. До последнего времени стены домов и ограды (дувалы) в Ферганской долине строятся с применением гальки и камней для укрепления их нижней части. Неоднократно в кишлаках мы видели в домах полы, выложенные галькой и обмазанные сверху глиной. Древнее происхождение этого приема в строительстве отмечалось и в литературе¹⁸.

В башне I к третьей жилой поверхности отнесен нами пол, намазанный на завале сырца, а также зольник, залегающий над полом и заполнявший башню до верха. В башне II такой пол находился на глубине

¹⁶ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 годах. Тр. КАЭЭ, II., М., 1959, стр. 181, рис. 24, 7; стр. 183.

¹⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 97.

¹⁸ Л. Н. Воронин. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. В сб.: «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана». М., 1950, стр. 15; В. Л. Воронина. Народная архитектура Северного Таджикистана М., 1959, стр. 37.

1,8—2 м от края северо-восточной стены башни. Здесь на полу с остатками очага из обломков сырцовых кирпичей и зернотерок был слой, насыщенный золой, содержащий обломки керамики и прочие находки. Интересны многочисленные пряслица, обломки лепного горшка с росписью, часть сделанной на кругу кружки с зооморфной ручкой (рис. 4, 8). Зольник заполнял башню до самого верха, так же как и в башне I.

Не исключено, что керамика из верхнего слоя зольника в обеих башнях относилась к позднему периоду второго этапа. И, наконец, к слою третьего пола нами отнесен частично слой зольника в башне IV. В последнем найдены железный нож (рис. 4, 6), обломок костяной рукоятки с циркульным орнаментом (рис. 4, 1), лепная кружка с петлевидной ручкой. Верхний слой зольника, видимо, как и в башнях I и II, относился к более позднему времени.

Четвертая жилая поверхность, самая поздняя во втором строительном периоде Гайрат-Тепе, занимала незначительную часть центральной площадки. Глубина от верха холма 0,65—1,15 м. Здесь сохранился слой мягкого лёсса с включением обломков сырцового кирпича, с большим кострищем-зольником, заполненным в основном обломками посуды. На полу найдено шесть зернотерок, точильный брусок, раковина каури (рис. 4, 4), астрагал с отверстием, голубая пастовая бусина, каплевидная прозрачная бусина (рис. 4, 2—3), железная овальная пряжка для ремня и часть подковы.

Находки, особенно посуды, из культурного слоя на разных полах Гайрат-Тепе на первый взгляд кажутся однородными, но их анализ показал, что каждая прослойка относилась, видимо, к различным этапам в жизни памятника.

Классификация и анализ керамики и находок Гайрат-Тепе

Описанию, характеристике форм сосудов, типологической и хронологической классификации ферганской красноангобированной керамики посвящена обширная литература¹⁹. Но и поныне вопросы, связанные с разработкой детальной классификации этой группы керамики, особенно раннего и позднего этапов ее существования, продолжают интересовать исследователей. Гайрат-тепинский комплекс в целом является рядовым комплексом периода красноангобированной керамики и имеет широкие аналогии в уже известных памятниках Ферганы. Задачей настоящего раздела является попытка не только уточнить на основе керамики датировку исследуемого объекта, но также классифицировать ее в пределах одного памятника, определить особенности выделенных в зависимости от стратиграфии групп сосудов и указать место этих групп в уже созданной ранее хронологической классификации. Решение этой задачи послужит дальнейшей разработке и уточнению вопросов, связанных с изучением красноангобированной керамики Ферганы.

За годы раскопок накоплен огромный материал, характеризующий разнообразие, оригинальность и обилие форм посуды, которой пользовались обитатели Гайрат-Тепе.

Всего фрагментов	В том числе сделанных на кругу	В том числе лепных	Соотношение, %
7820	5745	1075	Лепные 20 Круговые 80

На приводимой ниже табл. 1 показано количественное соотношение форм сосудов, определенных по обломкам и восстановленных из них,

¹⁹ Б. А. Латынин. Некоторые итоги Ферганской экспедиции 1934 года. Археологический сборник Гос. Эрмитажа, № 3, Л., 1961, стр. 109—170; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, 26, 1952, стр. 217—232 и табл. IV; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Канд. дис. Л., 1954; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, 1954, XX, стр. 131—147, и др.

Т а б л и ц а 1

№	Формы сосудов	Сделанные на кругу		Лепные		Орнаментированные		Всего	
		фрагменты	целые	фрагменты	целые	фрагменты	целые	фрагменты	целые
I	Котлы	—	—	286	1	—	—	286	1
II	Кувшины	595	3	9	1	5	—	604	5
III	Горшки	152	3	30	1	20	3	182	4
IV	Миски	1978	8	6	—	5	—	1984	8
V	Лохани	38	—	1	—	—	—	39	—
VI	Хумы	7	—	58	—	5	—	65	—
VII	Хумчи	2	—	—	—	2	—	2	—
VIII	Жаровни	—	—	41	—	—	—	41	—
IX	Кружки	1	—	—	1	1	—	1	1
X	Бокалы	13	—	4	1	7	—	17	1
XI	Плошки	6	—	—	—	—	—	6	—
XII	Туалетные сосудики	1	4	6	—	—	—	7	4

а также соотношение станковых и лепных сосудов и количество орнаментированных фрагментов.

Кроме выделенных по форме 12 групп сосудов необходимо отметить три лепные орнаментированные крышки от сосудов и 49 глиняных биконических красноангобированных пряслиц. Внутри отдельных групп сосудов отмечено различие в формах (особенно среди горшкообразных сосудов). В мисках, например, это различие в формах прослежено в зависимости от местонахождения в слое.

В целом же сосуды Гайрат-Тепе разделяются по технологическому признаку на две большие группы: сделанные на кругу и лепные.

Обломки круговых сосудов составляли 80% от всего числа черепков; выделяются следующие основные формы: кувшины, горшки с округлым туловом, горшки баночной формы, миски, лохани (тагоры), хумы (пифосы), хумчи (небольшие корчаги), кружки, плошки и туалетные сосудики. Все они были формованы частично на ручном гончарном круге, но в верхних слоях имелись фрагменты от сосудов с подрезкой дна ножом; видимо, они сделаны уже на ножном круге.

Все сосуды леплены в основном из тонкоотмученной глины с незначительным количеством примесей или толченой извести, или растительных остатков. Обжиг большинства сосудов хороший, ярко-красного кирпичного цвета, но есть и пережженные, бракованные экземпляры. Все сосуды покрыты ангобом разного цвета — от ярко-красного блестящего до тусклого сургучного, коричневого и черного цветов. Некоторые сосуды были покрыты двуцветным ангобом — бело-красным или бело-черным. Часто орнаментировались хумчи, баночные сосуды, горшки с округлым туловом, бокалы и, реже, миски. Орнамент процарапывался по ангобу до обжига сосуда. Сюжеты его разнообразны: стилизованные зооморфные и растительные изображения, геометрический узор в виде ломаных линий, заштрихованных треугольников, меандров, волют и др.

По назначению эта посуда являлась или столовой (миски, горшки, кружки), или тарой для хранения запасов пищи и воды.

Лепная посуда немногочисленна. Сосуды изготовлены небрежно из теста серого, красновато-серого и черного обжига. В качестве примесей применяли шамот и толченые раковины. Обжигали сосуды на костре. Поверхность сосудов имеет следы затирки и покрытия серым или белым ангобом. Лепные сосуды были следующих форм: котлы, хумы, горшки баночной формы, горшки с округлым туловом, кувшины, миски, кружки, жаровни и туалетные сосудики; сюда же мы причисляем и немногочисленные лепные крышки от сосудов (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

№	Формы сосудов	Высота, см	Диаметр, см			Толщина черепка, см
			устья	тулова	дна	
1	Котлы	28	36,5	—	—	0,8
2	Кувшины	15—27	8—13	14,5—26,8	6—12,5	0,8
3	Горшки с округлым туловом	11—16,5	7,3—16,5	11—18,5	9	0,5—0,7
4	Горшки-банки	10—20,5	11,2—14	10,2—15	7,8—9	0,5—0,8
5	Банки с росписью	41	20,5	24	18,5	0,8—1
6	Миски	3,8—7,5	11—23	16—17	5,2—8	0,3—0,6
7	Жаровни	4,5	?	?	?	1,2—1,5
8	Кружки	7—12	9—11	7,5—12	4,5	0,6
9	Бокалы	5,7	5,5	—	4,3	0,4
10	Плюшки	3—3,1	8—9,6	—	4—5	0,3—0,4
11	Туалетные сосудики	2,7—6	3—5,2	5,4—7	3—4,5	0,4—0,6

Лепные сосуды в большинстве своем не орнаментированы, но все же на некоторых сосудах есть налепы, налепные волнистые валики, штампованные кружки. Почти все сосуды этой группы кухонные; поверхность их обильно покрыта сажей и нагаром. Малочисленны, но характерны сосуды с росписью красной и коричневой краской по светлому фону. Сюжет росписи стилизовано-растительный или геометрический (треугольники, ромбы, спирали).

Анализ керамики Гайрат-Тепе показал, что она различалась стратиграфически не только по строительным периодам, но в отдельных случаях и в зависимости от жилой поверхности.

Выделяются формы сосудов, которые можно считать более ранними в пределах одного памятника, формы, которые бытовали очень долго, и, наконец, формы с чертами, характерными для позднего гончарного ремесла Гайрат-Тепе.

Выделение форм сосудов и привлечение к ним аналогий помогло составить шкалу для гайрат-тепинской посуды, увязать ее с уже существующей классификацией и создать хронологическую периодизацию памятника.

Посуда первого строительного периода (рис. 5) немногочисленна и неразличима по жилым горизонтам. Из круговых сосудов имеются кувшины без ручки с широким горлом и грушевидным туловом, покрытым плотным блестящим красным ангобом; горшки с округлым туловом, широким устьем и отогнутым прямым венчиком и плотным блестящим ангобом (рис. 5, 4, 8, 9); баночные сосуды с перегибом в нижней части тулова, с красным или коричневатым ровным ангобом и пропавшим орнаментом в виде стилизованных изображений дерева или геометрического узора из треугольников и ломаных линий (рис. 5, 5—7). Миски отличались тонким, легким черепком и плотным ангобом и имели малые размеры, прямой венчик, неустойчивое дно и иногда налепные ручки-буторки с отверстием (рис. 5, 1, 2).

В целом станковую керамику первого строительного периода отличает хорошее качество выделки и, особенно, хорошее качество ангоба. Некоторые формы, например горшки с перегибом в нижней части тулова и слегка отогнутым венчиком, встречались только в этом слое, позднее их нет. Многие станковые сосуды имеют аналогии в соответствующих слоях ряда поселений Ферганы и могильниках подбойно-катакомбного типа (могильники Джангаил²⁰, Коштепинский, Талмазарский²¹, Янгиабдский²²).

²⁰ Фонды Ферганского музея.

²¹ В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. ИИА АН УзССР, IV, Ташкент, 1951.

²² Фонды Ферганского музея.

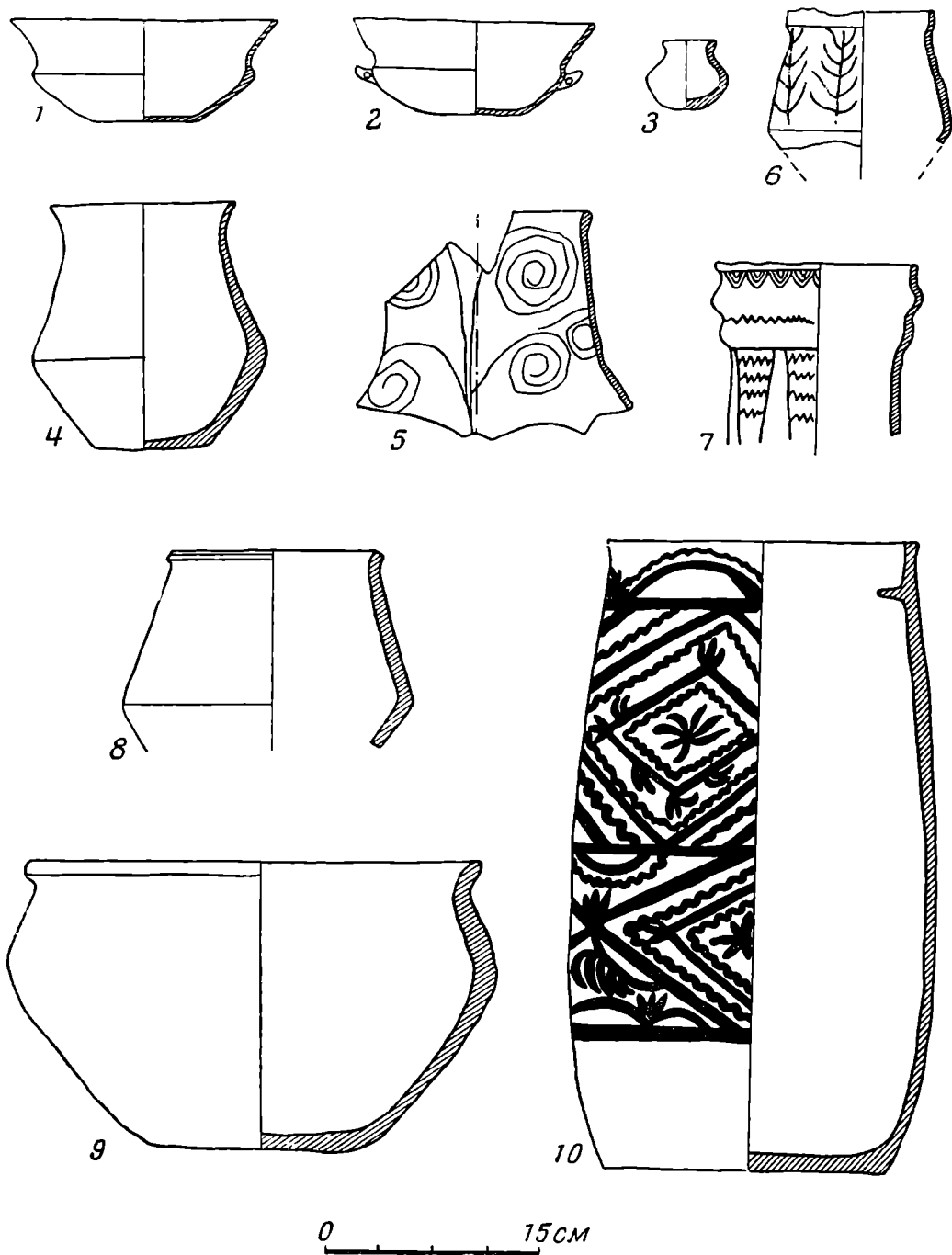

Рис. 5. Таблица керамики I строительного периода

Мисочка, сходная с гайрат-тепинскими, найдена нами в Пахтаабадском районе (Каламыш-Тепе) ²³. Весь этот круг памятников относится к последним векам до нашей эры — I—IV вв. н. э.

Для горшков у нас нет аналогий, но сам тип процарапанного орнамента не выходит за пределы последних веков до нашей эры и II—III вв. н. э. (сосуд с изображением деревьев из Копштепинского могильника).

Лепные сосуды первого строительного периода представлены обломками хума, обломками котла с налепом-ручкой, обломками жаровни овальной формы, миниатюрными туалетными сосудами, но все они мало значат для определения датировки комплекса. Исключение составляет большой баночный расписной сосуд с крышкой (рис. 5, 10), имеющий пря-

²³ В. И. Козенкова. Раскопки Андижанского областного музея в 1956 г. КСИИМК, 76, 1959, стр. 61, рис. 25, 8.

мые аналогии в керамике Шурабашата. По покрытию и цвету росписи он может быть отнесен к III периоду Шурабашата, датирующемуся от рубежа до III—IV вв. ²⁴.

Лепные крышки с грубым, нанесенным пальцами орнаментом, похожие на крышку, найденную на полу башни IV Гайрат-Тепе, найдены в слое III—IV вв. городища Минг-Урюк около Ташкента ²⁵.

Исходя из аналогий, считаем возможным датировать керамику первого строительного периода временем не ранее рубежа нашей эры и до II—III вв. н. э.

Косвенным и, возможно, спорным, но все же доказательством правильности установленной нами датировки может послужить также следующее: общеизвестно, что в точно датированных монетами слоях раннекушанского времени в Тали-Барзу, Афрасиабе ²⁶ и особенно в могильнике Туп-Хона ²⁷ характерной находкой были красноангобированные бокалы на тонкой ножке. Были такие сосуды и в синхронных памятниках Ферганы (Коштерек, Мунчак-Тепе около Папа, Дехкан-Туда, Касан, Муг-Пошо, в могильниках Муг-Хона) ²⁸. Считается твердо установленным, что находки этих бокалов датируют памятники временем не позднее II в.

При раскопках на Гайрат-Тепе среди обломков сосудов нет ни одного от тонкостенного красноангобированного бокала на ножке, это уточняет нашу датировку первой группы сосудов временем не ранее II—III вв.

Посуда второго строительного периода (рис. 6 и 7) делится на две большие группы. Первая — это сосуды из слоя I—III жилых поверхностей; вторая — сосуды с IV пола.

Первая группа самая многочисленная. Из станковых сосудов она представлена кувшинами без ручек, сходными по форме с кувшинами из первого строительного периода, но изготовленными более грубо, с покрытием в виде тусклого красного ангоба, нанесенного иногда на сосуд мазками (рис. 6, 15). Они имеют широкие аналогии в могильниках подбойно-катакомбного типа, а также в слое городища Кугай ²⁹ и датируются II—IV и даже V в. (Гурмирон) ³⁰. Горшки представлены экземплярами с округлым туловом, иногда с гофрированными стенками и баночной формы (рис. 5, 10; рис. 6, 13, 14, 17). Обломок сосуда с гофром, идентичный гайрат-тепинскому, был найден на строительстве Большого Ферганского канала ³¹. Баночные сосуды имели процарапанный орнамент, на одном из них — идущие друг за другом лошади. По манере исполнения эта сцена сходна с изображением лошади и жеребенка на хуме из слоя Сым-Тепе (Фергана) ³².

Горшки с округлым туловом имеют аналогии в слое Кугая и могут быть датированы II—IV вв. ³³.

²⁴ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Опшской области. Фрунзе, 1960, стр. 21, рис. 7, 25, стр. 30—31.

²⁵ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте. С сб.: «Археология Средней Азии». V, Ташкент, 1960, стр. 137, табл. 3.

²⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, 33, 1950, рис. 69.

²⁷ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, табл. 83, 3—11.

²⁸ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана, стр. 82; А. Н. Бернштам. Ук. соч., сводная таблица классификации № 118, 119; М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. Музея истории УзССР, II, Ташкент, 1954, стр. 72, рис. 20.

²⁹ Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 139, рис. 22, 4; стр. 144.

³⁰ А. Н. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 20.

³¹ Сосуд представлен в экспозиции музея истории в Ташкенте.

³² Фонды Ферганского музея. Раскопки Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбурга.

³³ Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 140, рис. 23, 1, 2.

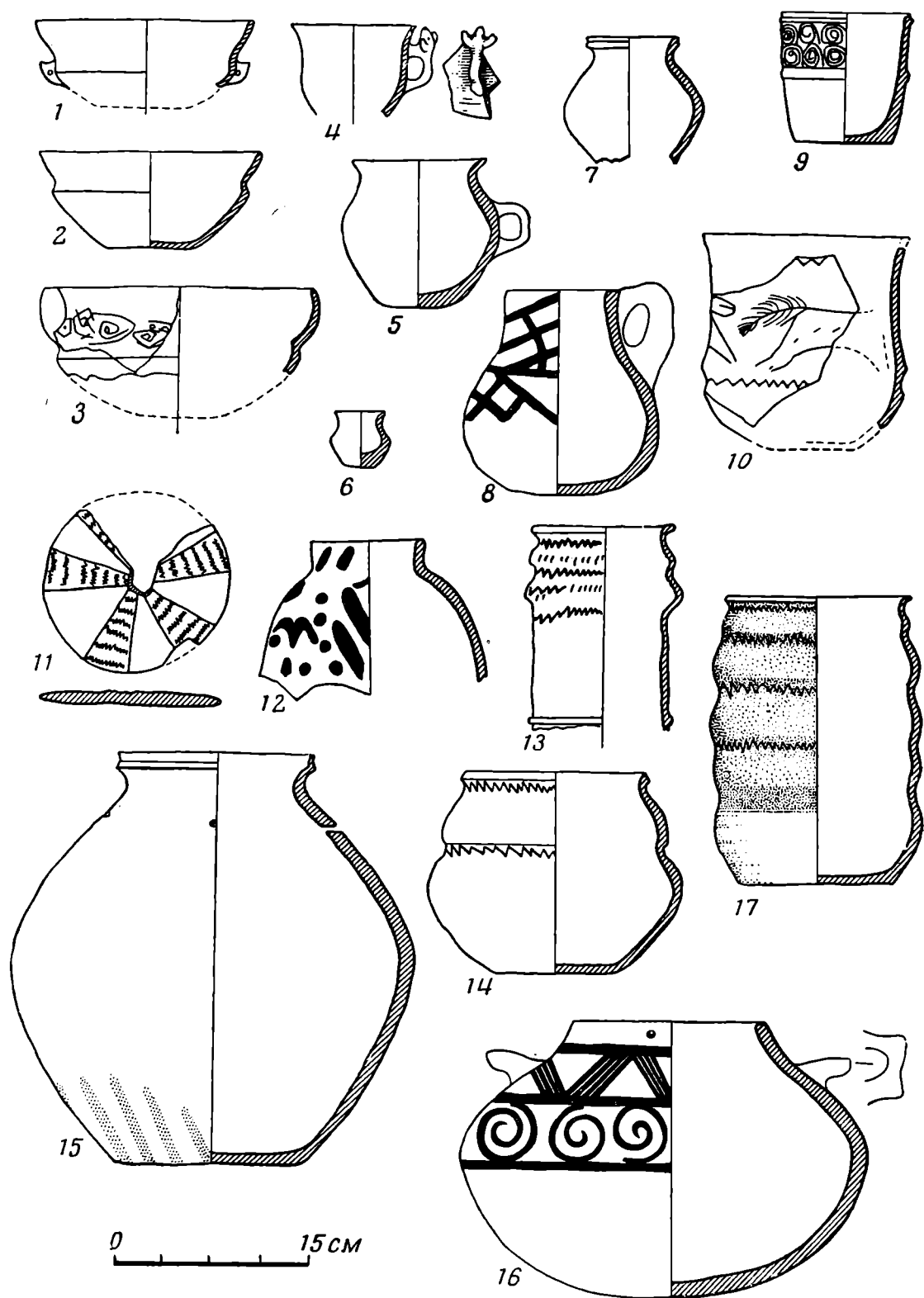

Рис. 6. Таблица керамики II строительного периода (I—III пол)

В первой группе по-прежнему много мисок, но более массивных, чем в нижнем слое; ангоб приобретает тусклый коричневатый оттенок. Наряду с прямым венчиком у мисок появляется вогнутый край. В нижнем слое их нет совсем.

Из станковой керамики интересен обломок кружки развитой формы, покрытой хорошим красным ангобом и имевшей ручку в виде стилизованного изображения барана (рис. 6, 4). Кружки с зооморфными ручками, иной формы и лепные, широко были представлены в слое Каунчи II,

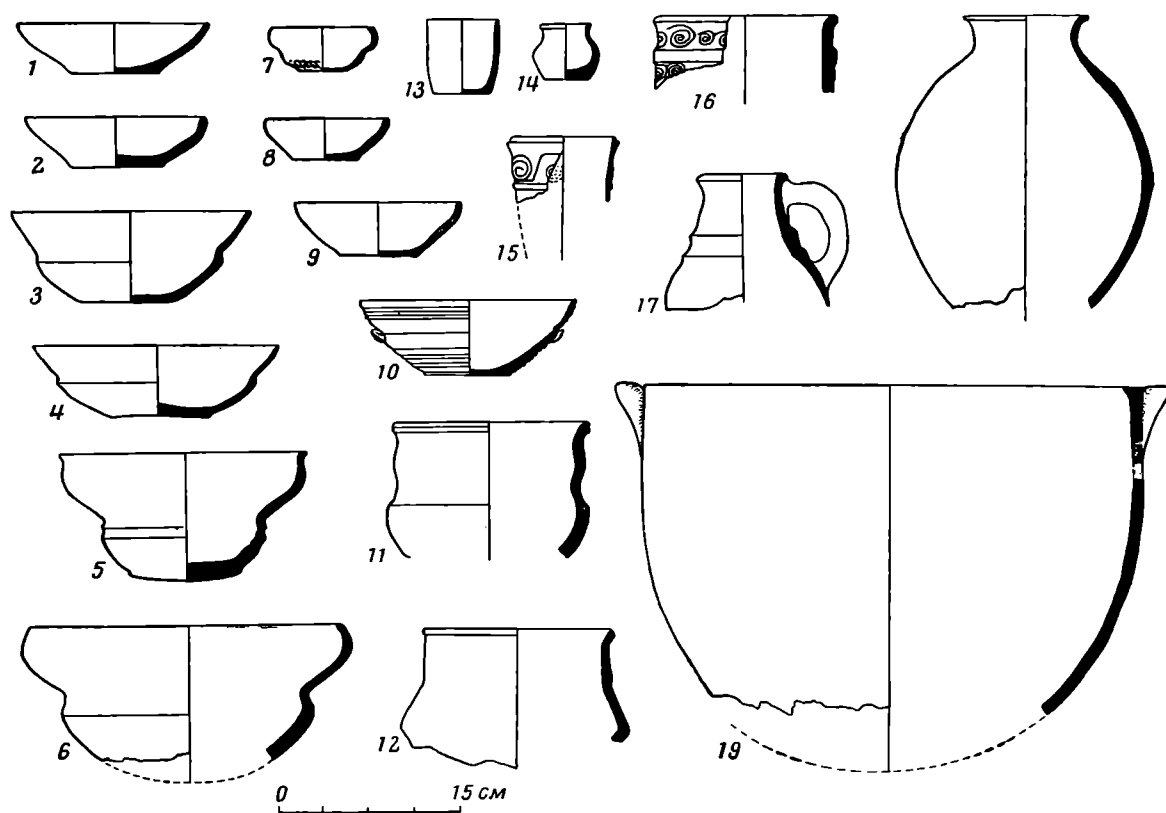

Рис. 7. Таблица керамики II строительного периода (IV пол)

в могильнике Ширин-Сай, в слое на трассе Ташкентского канала и датируются от рубежа до IV в.³⁴ Наш экземпляр по форме близок к кружкам из замка Ак-Тепе и, видимо, относится к самой поздней группе сосудов с зооморфными ручками, возможно, не ранее IV — V вв.

Обломки станковых хумчей, украшенных красной полосой ангоба по плечикам и процарапанным орнаментом поверх ангоба, имеют столь разительное сходство с хумчами из Куvasайской пещеры³⁵, что возникает мысль о единой керамической мастерской.

Из лепной посуды в слое I—III полов много обломков котлов с широким плоским венчиком, дуговидными налипными ручками и круглым дном; обломков плоских жаровен, имеющих аналогии в слое Мин-Урюка (III—IV вв.)³⁶, лепная красноангобированная кружка с шаровидным туловом и петлевидной ручкой (рис. 6, 5). Кружка сходна с найденными в могильнике Боркорбаз³⁷ в слое замка Ак-Тепе близ Ташкента³⁸, в слое Чаш-Тепе в Ташкенте³⁹ и довольно определенно датируется III—V вв. Как и в нижнем слое, здесь имеются единичные сосуды шурабашатского типа (горшок и кувшины; рис. 6, 8, 12, 16), несомненно относящиеся к серии поздних шурабашатских сосудов с росписью, датирующихся до III—IV вв.⁴⁰

³⁴ А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая. СА, 1952, XVI, стр. 345, рис. 13, 1; 15, 2.

³⁵ Фонды Ферганского музея. Материал не опубликован (автор раскопок Н. Г. Горбунова).

³⁶ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Ук. соч., стр. 134, табл. 3.

³⁷ С. С. Сорокин. Беркорбазский могильник. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 123, табл. IV.

³⁸ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента. «Материалы по археологии Узбекистана». I, Ташкент, 1948, стр. 115.

³⁹ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-Тепе. В сб.: «Археология Средней Азии», V, стр. 156.

⁴⁰ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 138, 169.

Таким образом, основные аналогии керамике I—III полов относятся к периоду с III в., верхний рубеж колеблется в пределах IV—V вв. Вся группа по формам сосудов мало отличается от сосудов первого строительного периода. Различие проявляется в технологии (появление более грубых и небрежных сосудов), в появлении некоторых вариантов форм (миска с вогнутым краем), в многочисленности сосудов с процарапанным орнаментом. Как и в нижнем слое, процарапанный орнамент сосуществует с расписным шурабашатского типа.

Вторая группа посуды — комплекс форм IV пола (рис. 7) стратиграфически самая поздняя на Гайрат-Тепе. Имея много сходного с сосудами первой группы в формах, в технологии, эта керамика продолжает процесс деградации, отмеченный в первой группе. Стенки сосудов утолщаются, ангоб сургучного цвета покрывает сосуды отдельными мазками. Но в то же время в этом слое появляются приемы, свидетельствующие о том, что керамика не столько деградирует, сколько претерпевает какие-то изменения, связанные с технологией. На дне сосудов появились следы подрезки, что характерно для сосудов, изготовленных на ножном круге. Получают распространение и некоторые поздние приемы орнаментации сосудов, как, например, красная поперечная полоса ангоба, нанесенная посередине корпуса, возможно возникшая не без влияния древнего Согда, где на посуде IV—VI вв. (Пенджикент, Афрасиаб, Гали-Барзу)⁴¹ можно видеть этот прием. В Фергане аналогичная отделка поверхности сосудов обнаружена в могильнике Гурмирон (IV—V вв.)⁴², в слое Кутая (II—IV вв.)⁴³.

Обычная форма миски с перегибом на корпусе видоизменяется, преобладают миски с вогнутым краем; увеличиваются размеры, появляются формы с небольшим перегибом, близкие мискам III—V вв. Чаш-Тепе⁴⁴; миски совсем без перегиба (рис. 7, 1, 2, 8, 9), иногда с отверстием на дне. Подобные миски имеют аналогии в слое VII в. в Афрасиабе⁴⁵; в слое IV—V вв. в Аул-Тепе (Согд)⁴⁶. Большие миски с перегибом из Гайрат-Тепе очень близки мискам из слоя Сым-Тепе, а также из погребений с северной ориентировкой Ташкурганского могильника. Последний датирован нами III—V вв.⁴⁷.

Претерпевает некоторые изменения по сравнению с первой группой и лепная керамика. Она становится более многочисленной, совершенно отсутствуют расписные сосуды. Преобладают котлы с закругленным дном и ручками или в виде двух дужек, или в виде дуговидных налепов, украшенных углублениями от пальцев (рис. 7, 19).

Появляются орнаментальные мотивы в виде волнистого валика, валика с нарезками, что характерно для керамики раннетюркского времени (V—VI вв. в Касане⁴⁸). Лепная посуда IV жилого горизонта близка касанской и по качеству шамотно-дресвяного теста. Кроме котлов (рис. 7, 19), в указанном слое найдены обломки лепных жаровен, баночных сосудов и хумов.

Исходя из основных аналогий, считаем возможным датировать вторую группу керамики второго строительного периода временем не ранее начала V—VI вв.

⁴¹ Г. В. Григорьев. Тали-Барзу. Журн. «Социалистическая наука и техника», 2—3, Ташкент, 1938, стр. 81, рис. 8; А. М. Беленицкий. Древний Пенджикент. СА, 1959, 1, стр. 196—197, рис. 2.

⁴² Фонды Наманганского музея.

⁴³ Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 139, рис. 22, 2, 3.

⁴⁴ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-Тепе, стр. 154, рис. 4, 6, 7.

⁴⁵ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 164, рис. 71, 7.

⁴⁶ С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашка-Дарьи. СА, 1958, 3, стр. 149.

⁴⁷ В. И. Козенкова. Погребения Ташкурганского могильника начала I тыс. н. э. (в печати).

⁴⁸ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 241.

По всем данным, красноангобированные сосуды Гайрат-Тепе бытовали между ранней группой такой посуды, хронологические рамки которой в Фергане еще до конца не установлены⁴⁹, и наиболее поздней группой, в которой ясно прослежены черты, присущие уже средневековой технологии (например, как в керамике VII—VIII вв. в слое (Дамкуля)⁵⁰.

На табл. 3 керамика Гайрат-Тепе занимает свое место в существующей ныне хронологической классификации ферганской керамики.

Т а б л и ц а 3

Гайрат-Тепе		Классификация керамики		
В. И. Козенковой		Б. А. Латынина	А. Н. Бернштама	Ю. А. Заднепровского
II строительный период	V—VI вв.	Ф III V—VIII вв.	Тюркский период VI—VII вв.	Касанский период середина I тысячелетия
	III—V вв.		Кашанский период II—V вв.	
I строительный период	I—III вв.	Ф II/3 II—V вв.	Гуннский период I в. до н.э.—II в. н.э.	Мархаматский период III—II вв. до н.э. III в. н.э.

Заканчивая характеристику керамики Гайрат-Тепе в целом, необходимо отметить, что с момента возникновения здания и до прекращения жизни на этом месте на основе изучения керамики воссоздается динамичный процесс развития гончарного ремесла. На смену старому малоподвижному ручному станку приходит ножной круг; мастера ищут новые формы и новую технологию посуды, происходит эволюция некоторых старых форм (красноангобированные миски).

Некоторые сосуды демонстрируют связи жителей Гайрат-Тепе с районами юго-восточной Ферганы или даже Согда и Шаша. Об этом свидетельствуют единичные находки расписных сосудов шурабашатского типа, позднего этапа, а также некоторые формы мисок, близкие мискам из Тали-Барзу и Афрасиаба. В связи с находками в слое Гайрат-Тепе сосудов шурабашатского типа позволю себе не согласиться с гипотезой Ю. А. Заднепровского относительно того, что в слое Гайрат-Тепе представлена картина смены в Фергане двух этапов — этапа расписной шурабашатской керамики этапом красноангобированной⁵¹. Привлеченные

⁴⁹ Попытки выделить такую группу и разрешить вопрос происхождения красноангобированной керамики не идут пока дальше гипотез. Б. А. Латынин наметил периоды для этой ранней группы, но отсутствие в ферганском материале бесспорно датирующих находок не позволило определить эти границы периодов достаточно четко.

Думается, что происхождение красноангобированной керамики необходимо рассматривать как результат непрерывного процесса развития гончарства в Фергане с древнейших времен. Возникнув на местной основе, впитав в себя традиции актамской станковой посуды (особенно форму) и чустско-дальверзинской (употребление красного ангоба), эта керамика, возможно, где-то на рубеже нашей эры обогатилась приемами, характерными отчасти для эллинистической традиции, отчасти для кушанской. В результате такого синтеза возникла посуда и похожая на так называемую кушанскую керамику из других районов Средней Азии, и в то же время глубоко самобытная. Но это, конечно, гипотеза.

⁵⁰ Раскопки Н. Г. Горбуновой. См. Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Археологические работы Ферганского музея в 1953—1954 гг. В сб.: «История материальной культуры Узбекистана», I, Ташкент, 1959, стр. 7.

⁵¹ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, стр. 169.

аналогии красноречиво свидетельствуют о том, что даже в первом строительном периоде Гайрат-Тепе представлены развитые и сравнительно поздние формы красноангобированной керамики. В данном случае можно говорить (да и то с оговоркой из-за малочисленности материала) лишь о сосуществовании расписной (шурабашатской) и красноангобированной керамики на довольно позднем этапе развития первой. Речь может идти лишь о связях, но характер этих связей иной, чем это представляется Ю. А. Заднепровскому; вероятней всего, они носят характер торговых сношений.

Изменения в технологии гончарства верхнего слоя Гайрат-Тепе и параллельно с этим появление черт, присущих посуде кочевого населения, говорит о каких-то глубоких и сложных социальных изменениях, происходивших в Фергане в IV — VI вв., возможно связанных в первую очередь со становлением феодальной формации в Средней Азии, а также с проникновением сюда тюркского элемента задолго до завоеваний тюркского каганата, что отмечал и А. Н. Бернштам⁵².

Остальные находки в слое Гайрат-Тепе немногочисленны.

Из железных предметов, относящихся ко второму строительному периоду, найдены овальная пряжка с подвижным язычком и серповидный нож с заклепкой для рукоятки (рис. 4, 6).

Из бронзовых предметов найдены гвоздь (?) и обломок перстня, из кости — рукоятка с циркульным орнаментом (рис. 4, 1) и астрагал (рис. 4, 9, 10).

В обоих периодах Гайрат-Тепе много зернотерок (25 шт.) овальной формы. Аналогичные предметы часто находят в слоях поселений и городищ Ферганы от эпохи бронзы до раннего средневековья.

Из украшений в слое IV пола найдены две бусины и раковина каурп с отверстием (рис. 4, 2—4). Одна из бусин, прозрачная, каплевидная подвеска, имеет аналогию в комплексе бус Беркут-Калинского оазиса, датированных не позднее VI—VIII вв.⁵³

В слое Гайрат-Тепе много пряслиц биконической формы (49 шт.), покрытых плотным красным ангобом. Размеры их различны — от больших, высотой 5 см, до миниатюрных, около 1,5 см (рис. 4, 11—14). Аналогии им есть и в слоях городищ Ферганы, и в могильниках I—IV вв.⁵⁴

Пока трудно решить, каково было историческое назначение изучаемого объекта.

После полного выявления планировки Гайрат-Тепе, когда проступали все черты этой пятибашенной крепости, появилась возможность предположить, что на первом этапе своего существования Гайрат-Тепе являлась крепостью, совмещавшей в себе какое-то культовое и сторожевое назначение. Правда, культовый очаг сохранился лишь во втором строительном периоде, но по косвенным признакам (находки несомненно такого же, как в очаге, слоя цепла, аккуратно уложенного и обмазанного сверху глиной за стенами на площадке здания первого строительного периода) он имелся, видимо, в центральной, пока не раскопанной части здания.

Возможно, что Гайрат-Тепе относилась к так называемым «сигналам» — варианту зороастрийского храма, сочетавшим культовые и практические функции, хотя по плану и отличалась от подобного типа храмов, известных в сасанидское время в Иране и служивших своеобразными маяками для караванов⁵⁵.

⁵² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 192, 222.

⁵³ И. В. Пташникова. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Тр. ХЭ. I, стр. 113, табл. V, 5.

⁵⁴ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ук. соч., стр. 19; С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник, табл. VII, IX, X, стр. 150.

⁵⁵ В. Л. Воронина. Домусульманские культовые сооружения Средней Азии. СА, 1960, 2, стр. 49—50.

На первом этапе здание носило специализированный характер, поэтому здесь так мало хозяйственных остатков. Во второй период жизни Гайрат-Тепе, после разрушения крепости, на ее развалинах возникают какие-то хозяйственные строения. Оборонительные функции теряются, культовое и «сигнальное» место сохраняется в виде небольшого сооружения под перекрытием.

Основным занятием жителей становится земледелие и скотоводство, об этом говорят находки многочисленных зернотерок, обугленных зерен ячменя и массы костей животных. Кости, определенные В. И. Цалкиным, показывают преобладание в стаде мелкого рогатого скота (свцы и козы); на втором месте был крупный рогатый скот. Имеются также немногочисленные кости свиньи, лошади, оленя. Находки биконических пряслиц, каменных лопилок, черепков со следами скола поверхности для приготовления шамота свидетельствует также и о том, что жители во второй период занимались домашним ремеслом (ткачество, лепное гончарство). Хозяйственные постройки на развалинах крепости существовали длительное время, неоднократно подвергаясь разорению и пожарам.

В последний период существования Гайрат-Тепе постройки значительно уменьшаются в размерах, а затем жизнь в этом месте окончательно затухает.

Анализ архитектуры памятника и находок показывает, что возникновение и существование крепости относится ко времени не ранее I—III вв.

Период существования хозяйственных построек на развалинах крепости датируется III — началом VI в., причем довольно четко разделяются два основных этапа: более ранний — III — V вв. и самый поздний — V—VI вв.

Раскопки Гайрат-Тепе не только вводят в научный обиход бытовой комплекс оседло-земледельческой культуры Ферганы первой половины и середины I тысячелетия, но и доказывают возможность детального исследования хорошо сохранившихся здесь отдельных объектов монументальной сырцово-архитектуры.